

УДК 40.03

В.В. Ключков**ЗНАНИЕ И НЕВЕЖЕСТВО В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Проблема критериев научности гуманитарного знания является одной из актуальных для юриспруденции. Она занимает особое место в теории государства и права, которая, будучи по своей природе обобщающей наукой, призвана формулировать в теоретической форме современные представления о праве и государстве, опираясь на познавательные процедуры, учитывающие специфику гуманитарных наук.

В последние полтора десятилетия, когда в отечественной науке теории государства и права были предприняты попытки свободного от идеологических установок осмысления государственно-правовых явлений, обнаружилось, что методология юридического исследования не отвечает современным представлениям о критериях научности юриспруденции [1; 2].

Этому способствуют два важных обстоятельства. Позитивный для юриспруденции отказ от использования диалектики как универсальной методологии гуманитарного знания сопровождается парадоксальным методологическим регрессом, который проявляется в стремлении сохранить привычную позитивистскую парадигму юридического исследования. С другой стороны, кризис эпистемологических оснований в отечественной науке теории государства и права развивается на фоне современной методологической ситуации, именуемой постмодерном, когда оказались поставленными под сомнение критерии научности юриспруденции как таковые [3]. Поэтому юридическая наука не может остаться в стороне от обсуждения такой важной проблемы, как критерии ее научности.

С момента институционализации юриспруденции как самостоятельной области знания и до самого последнего времени ее претензии на научный статус редко подвергались сомнению. Длительное господство позитивистской методологии (то, что она продолжает господствовать в юриспруденции даже спустя столетие с лишним после появления позитивизма как философии науки, для большинства знакомых с юриспруденцией очевидно) [4; 5; 6] привело к тому, что вопрос о критериях научности юриспруденции практически не поднимается в юридической литературе. Для большинства юристов он считается само собой разумеющимся и представляет собой естественную установку в социальной феноменологии [7. С. 11].

В значительной степени это объясняется тем, что специфика критических методов гуманитарного знания и современные представления о критериях его научности не осознаются в отечественном правоведении достаточно отчетливо. Анализ данной проблематики зачастую ограничивается утверждениями об особенностях предмета юридического познания и необходимости его отграничения от предмета естественных наук. Это, конечно, представляет значительный шаг вперед по сравнению с известной методологией диалектических трансформаций и характерного для позитивистской методологии сведения абстрактных размышлений исключительно к анализу опытных данных. В истории методологической мысли это шаг из середины XIX в начало XX в., но логические и методологические особенности юридического познания и определение его познавательных целей, выводимые из разграничения предметов естественных и гуманитарных наук, характерного для неокантианской методологии, по-прежнему остаются без должного внимания.

В отечественной науке о государстве и праве, где по-прежнему преобладают позитивистские методологические установки, присутствует серьезный разрыв между неокантианскими методологическими концепциями начала XX в. и идеями

постмодерна в области методологии права. Этот разрыв в условиях отсутствия идеологического диктата, очевидно, преодолим. Но для эпистемологии права важнее другое: если в эпоху господства позитивистской философии научный разум выступал главным критерием легитимности социального (в том числе и правового) порядка, то сегодня в условиях кризиса рациональности, как таковой, именно он поставлен под сомнение [8]. Это делает проблематичным обоснование права, общественного порядка и самого общества, значительно осложняет адекватное понимание современной методологической ситуации в правоведении и проблемы критериев научности знания о праве.

Решение данной проблемы предполагает определение критериев научности, выработанных философией науки и сравнение с ними эпистемологических признаков теории государства и права. Только так возможно утвердительно ответить на вопрос о том, является ли теория государства и права наукой в строгом смысле этого термина.

Сделать это будет чрезвычайно трудно, так как современное науковедение переживает серьезный кризис философских оснований, связанный со сменой типов рациональности, или переходом от классической модели науки к постклассической.

Наука, в том числе юридическая, чаще всего отождествляется с суммой знаний. Знания, претендующие на статус научных, должны отвечать критерию истинности. Долгое время считалось, что критерии истины и, следовательно, научности, вечны и неизменны. Сама же наука, предполагалось, развивается от меньшего объема знаний к большему, когда к открытым истинам добавляются новые. Ранее установленная истина при этом сомнению не подвергалась, поскольку предполагалось, что это абсолютно достоверное знание. Такая концепция науки, зародившаяся в Новое время и доминировавшая до середины XX в., получила в науковедении название кумулятивной [7. С. 12].

Положение о том, что результаты философского и научного познания должны быть вечными и тем самым неопровергаемыми истинами, является лейтмотивом рационалистической философии Нового времени. Интуитивные истины у Декарта, истины разума у Лейбница, синтетические и аналитические суждения у Канта, принципы наукоучения у Фихте – все это различные наименования кумулятивного образа науки в методологии Нового времени.

Этой же идеей проникнуты принципы позитивистов XIX – начала XX вв. В отличие от рационалистов абсолютная значимость (истинность) ими приписывается результатам, прежде всего, опытного, а не теоретического познания. Неизменной сохраняется уверенность в возможности достижения абсолютной истины [9]. И те, и другие основные усилия прилагали к тому, чтобы сделать научные знания объективными. Рационалистическая философия науки в теории государства и права (которая к тому времени еще не институционализировалась в качестве самостоятельной научной дисциплины) представлена теорией естественного права Нового времени. Оно традиционно определяется как дозаконотворческий и внезаконотворческий комплекс объективных закономерностей, необходимостей, правил социальной и общественно-политической жизни [10; 11. С. 73–77]. Эти закономерности предписаны самой природой и запечатлены в человеческом разуме. Они мыслятся либо априорно в виде логической предпосылки, либо как «естественное состояние», исторически предшествующее общественному и государственному порядку.

На место философии Нового времени в середине XIX в. приходит несколько другая (хотя и в рамках той же эпистемологии) науковедческая программа – позитивистская. Позитивисты, как уже отмечалось, решили отказаться от абстрактных рассуждений, не сводимых к опытным данным. С этого времени торжествует эмпиризм, а познание ограничивается изучением исключительно внешних признаков

непосредственно наблюдаемых предметов. В это самое время возникает теория права как самостоятельная научная дисциплина, на формировании которой не могла не сказаться интеллектуальная атмосфера эпохи. В результате на место философии права, выражавшейся в то время исключительно теорией естественного права Нового времени, приходит позитивистская концепция права. Юридический позитивизм акцентирует внимание на внешних признаках (проявлениях) права, то есть либо на тексте права (юридический догматизм), либо на правовом поведении (позитивистская социология права).

Для юридического позитивизма критериями научности выступают либо эмпирические факты, либо формальная логика (наиболее последовательно представленная Венским кружком, Берлинской и Львовско-Варшавской школами неопозитивизма 30-х гг. XX в., заложившими основы современной аналитической философии). Эти положения, как тогда казалось, могли послужить основой построения юриспруденции как строгой науки. Однако позитивистская программа так и не стала методологической основой юриспруденции.

Произошло так главным образом потому, что уже в начале XX в. надежды позитивизма были поставлены под сомнение. Кризис классической физики привел к убеждению, что опыт (и эксперимент) должен учитывать его условия, принимать во внимание методику его проведения и, главное, самого наблюдателя. В этом суть сформулированного Н. Бором принципа дополнительности: объективная реальность зависит от способа ее описания. Результаты опыта, становящиеся тем самым научными фактами, принципиально зависят от их интерпретации. Оказалось, что одна и та же теория может быть подтверждена принципиально разными (несоизмеримыми) фактами, а один и тот же факт может входить в состав различных (несоизмеримых) теорий. Более того, факт – это не просто единичный элемент объективного мира, но также единичное суждение о предмете, которое всегда контекстуально и зависит не только от теоретических взглядов субъекта, но и от его мировоззрения. Таким образом, любой научный факт является теоретически и мировоззренчески «нагруженным» и зависит от множества социокультурных обстоятельств. Поэтому один и тот же результат эмпирического изучения правосознания или факт принятия нового нормативно-правового акта может быть интерпретирован совершенно по-разному [12]. Следовательно, факт как таковой является ограниченным критерием научности.

Что касается формальной логики, то сторонников логического позитивизма также ожидал сюрприз: теоремы неполноты К. Гёделя и А. Тарского в начале 30-х гг. XX в. показали, что даже элементарную арифметику невозможно обосновать ее собственными средствами. Для этого требуется метаязык, с позиций которого возможна эта процедура. Таким образом, стала очевидной ограниченность логики применительно к социальной деятельности, в том числе и юридической [13; 14; 15]. Она заключается в том, что логическая процедура может гарантировать истинность вывода при условии истинности посылок. Но в роли последних, если речь идет о юриспруденции, выступают юридические факты, которые, как было показано выше, зачастую подвержены неоднозначной интерпретации. В этом случае норма права – центральный элемент правовой реальности и теории права не может быть объяснена с помощью формальной логики [16].

Выходом из этой сложной ситуации стало разграничение естественно-научного объяснения и объяснения интенционального, характерного для общественных наук. Идея разграничения естественных и гуманитарных наук не по предмету, а по методу, впервые выдвинутая в конце XIX в. неокантианцами В. Виндельбандом и В. Риккертом, оказала огромное влияние на эволюцию методологических идей в правоведении. С начала XX в. крепла убежденность в специфичности по-

знавательных процедур естественных наук, отыскивающих общие законы развития. Эту специфичность видели в том, что естественные науки являются науками о законах, которые учат тому, что всегда имеет место. Напротив, считалось, что гуманитарное, в том числе юридическое знание, опирается на отдельные факты и учит тому, что однажды было. Метод естественных наук характеризовался В. Риккертом как «генерализирующий» (обобщающий), метод гуманитарных наук – как «индивидуализирующий» [17].

Характерно, что при анализе неокантианских методологических концепций зачастую абсолютизировалась логическая противоположность генерализирующего и индивидуализирующего методов. Отсюда следовал, в частности, тот вывод, что понятия и категории гуманитарных наук не могут быть копией или отражением предмета, поскольку они неизбежно воспроизводят только некоторые стороны или свойства предмета, почерпнутые из его действительного содержания в соответствии с той точкой зрения, в которой сказывается познавательный интерес исследователя. Методологически плодотворная идея неокантианской школы о зависимости результата гуманитарного знания от точки зрения наблюдателя на его предмет зачастую трактовалась как свидетельство известной произвольности этого результата. Следовательно, возникала проблема практической проверяемости социальных, в том числе юридических теорий.

Эту проблему можно продемонстрировать на примере применения юридической теории. Во-первых, юридическая теория никогда не воздействует прямо и непосредственно на социальную реальность: ее действие всегда опосредовано принятием политического решения (например, о реализации в Конституции РФ принципа разделения властей), ее адаптацией отраслевой юридической наукой (в случае с концепцией разделения властей – теорией конституционного права), а также правосознанием чиновников и населения. Только преломляясь (и, конечно, искажаясь) соответствующая юридическая теория воплощается в правопорядке. Однако эффект от ее воздействия на правопорядок практически и теоретически не поддается просчитыванию, если не «заключать в скобки» многие существенные факторы. Таким образом, обосновать научность теории на основе ее практической проверяемости невозможно [18]. Поэтому не случайно, что способами доказывания в современной юриспруденции являются описание, ссылки на законодательство, на принципы права, на иностранный опыт или авторитет других ученых. Все это свидетельствует, что юридическая наука в способах аргументации недалеко ушла от средневекового идеала, для которого характерно догматическое и диалектическое восприятие исходных начал познания. Такое некритическое отношение к законодательству оборачивается его апологетикой и превращением юридической науки в вечно опаздывающего студента, на долю которого остается усвоение и комментирование политической воли [7. С. 14].

Все это привело к тому, что в 60-х гг. XX в. возникла новая модель науки – некумулятивная. Ее появление было связано с философией постпозитивизма, в рамках которой совершенно особое внимание уделялось анализу изменившихся критериев научности. Постпозитивисты (Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд и, особенно, К. Поппер) подвергли сомнению поступательность развития науки, когда к «старым истинам» добавляются новые, открытые недавно. В рамках эпистемологии постпозитивизма научное открытие всегда есть отрицание старого, опровержение, а не добавление. Поэтому история идей, с точки зрения постпозитивизма – это история заблуждений. К. Поппер категорически отказался от принципа верификации как критерия научности теории в пользу ее фальсификации, утверждая, что любая теория неизбежно будет опровергнута новой теорией. Неопровержимыми, по мнению Поппера, являются только метафизические концепции [19].

В соответствии с принципом полифемии, сформулированным П. Фейерабендом, чем более несовместимой с господствующей точкой зрения является выдвигаемая гипотеза, тем лучше. Сторонники же юридического позитивизма полагают, что принцип полифемии и близкий ему принцип релятивизма размывают границы между научным и ненаучным, превращая результат юридического исследования в произвольный (или того хуже – в заранее предопределенный).

Данный аргумент не нов. Достаточно вспомнить, что неокантианская интерпретация социальной действительности подвергалась сходной по содержанию критике. В действительности применение принципа полифемии в юридической науке дает возможность сделать следующий, принципиальный для юриспруденции методологический шаг, заключающийся в анализе не столько различия познавательных процедур естественных и гуманитарных наук, сколько естественных и нормативных законов, которые они подвергают изучению.

С точки зрения постпозитивистской эпистемологии, требуется ясное понимание одного важного различия. Это различие между естественными законами, или законами природы, и нормативными законами, или правилами, которые требуют определенного образа поведения.

Естественный закон описывает жесткую неизменную регулярность, которая либо на самом деле имеет место в природе (в этом случае закон является истинным утверждением), либо не существует (в этом случае он ложен). Поскольку законы природы неизменны, они не могут быть нарушены или созданы.

Нормативный закон, будь то правовой акт или моральная заповедь, вводится человеком. Его часто называют приемлемым или неприемлемым, но «истинным» или «ложным» его можно назвать лишь в метафорическом смысле, поскольку он описывает не факты, а ориентиры для нашего поведения. Если этот закон имеет смысл и значение, то он может быть нарушен, а если его невозможно нарушить, то он не имеет смысла. Нормативный закон всегда конвенционален, поскольку он может вводиться, изменяться и нарушаться, что невозможно в случае с естественными законами [20. С. 91–93].

Конвенциональная концепция истолкования нормативного закона отвергает взгляд, в соответствии с которым социальные, в том числе правовые нормы, являются произвольными. Напротив, утверждается, что нормативные законы и социальные институты возможно критически (поэтому указанная концепция именуется критическим конвенционализмом) сравнивать с некоторым нормативным идеалом. Однако даже этот идеал создается нами – в том смысле, что добиваться его решили мы сами и что только мы несем моральную ответственность за это решение. Критический конвенционализм обращает особое внимание на невозможность сведения решений или норм к фактам. Поэтому его можно назвать теорией дуализма фактов и решений [20. С. 97].

Недостаточность неопозитивистской программы была подвергнута резкой и во многом обоснованной критике также со стороны постструктуралистов и постмодернистов. Работы Ж. Бодрийера, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотара показали, что между знаком и означаемым нет однозначной связи. Знак – не более чем конвенция, которая не выражает означаемое, а напротив, создает его [21; 22; 23].

Право вполне оправданно можно рассматривать как систему знаков, означающих нечто. Этим нечто, как представляется, выступает правопорядок – фактическое взаимодействие людей, наделенное «правовым смыслом». Сам же смысл включает два момента: имманентный – признание необходимости совершать определенные действия (в силу привычки, ритуала, целесообразности) и трансцендентный – поведение, которое объективно служит целостности общества, обеспечивает его нормальное функционирование. Однако связь принципов права и даже отдель-

ных норм с фактическим массовым поведением неоднозначна, прежде всего, в силу амбивалентности социального, например, наличия как явных, так и латентных последствий любого социально значимого действия. Как уже отмечалось выше, декартово-лапласовская уверенность в калькуляции социальной реальности, производимая по образцу естествознания, оказалась утопией. Позитивистская, в том числе структуралистская, программы построения социального и юридического знания также оказались несовместимы с конвенциональным критерием научности [24].

Конвенциональность как критерий научности юриспруденции имеет своим основанием онтологическую и гносеологическую конвенциональность. Социальные нормы, в отличие от законов природы, представляют собой соглашения (хотя, как было показано выше, не произвольные). Их познание всегда обусловлено историческим и социокультурным контекстом, а потому является относительным. Философский (неверифицируемый) компонент также неустраним из научного знания. Отсюда вполне оправданная убежденность современной методологии права в том, что в гуманитарных науках господствуют часто не строго определяемые логические понятия, а именно концепты, выражающие скорее интуитивно, нежели логически, схватываемые смыслы. Поэтому позитивистский эталон научности в принципе не может быть реализован в юриспруденции. Не существует абсолютных критериев научности; они относительны и зависят от исторической эпохи и особенностей того или иного социума.

Таким образом, практическая (фактическая) проверяемость и формальная логика являются ограниченными критериями научности, которые не стоит абсолютизировать. Им на смену приходит (или уже пришел) конвенциональный критерий научности, выражающий соглашение научного сообщества о том, что считать эпистемологическим эталоном. В то же время следует помнить о трансцендентальном критерии научности, выражающемся в конечной результативности научной деятельности – самосохранении общества. Очевидно, что наука, в том числе юридическая, призвана оказывать воздействие на социум. Нормальное функционирование приемлемого правопорядка является показателем научности тех концепций, которые применяются на практике [25. С. 4–14].

Проблема критериев научности юриспруденции относится к области эпистемологии, которая зачастую считается лишенной практического интереса областью чистой философии. Однако представляется, что эпистемология, в том числе эпистемология права, имеет важные практические следствия для науки, этики и политики.

Практическая значимость теории критического конвенционализма состоит в том, что при изучении социальных и правовых институтов используется совершенно определенный язык политических требований и политических предложений-проектов. Иначе говоря, не следует, например, искать ответ на эссенциалистский вопрос: «Что есть государство, какова его истинная природа и каково его действительное значение?» Не следует искать ответ и на историцистский вопрос: «Как произошло государство и в чем источник политического долга?» Вопрос должен ставиться так: «Что требуется от государства? Что предлагается в качестве законной цели деятельности государства?» Для того чтобы выяснить, каковы основные политические требования, необходимо задать вопрос: «Почему мы предпочитаем жить в хорошо организованном государстве, а не без государства, т.е. в анархии?» Именно на этот вопрос должен попытаться ответить юрист, прежде чем предлагать проект реформирования какого-либо социального института.

Другое практическое следствие эпистемологии права заключается в том, что эпистемологический релятивизм (отрицание объективной истины) и эпистемологический прагматизм (отождествление истины с полезностью), оказываются тесно связаны с идеологией авторитаризма и тоталитаризма. С другой стороны,

эпистемологический оптимизм, провозвестниками которого были Бэкон и Декарт, тесно связан с идеями либерализма, поскольку если человек способен знать, он, соответственно, способен и быть свободным [26].

Эти положения неоднократно оспаривались. Идеи либерализма о возможности правового государства, правосудия, фундаментальных прав человека и свободного общества легко могут вынести осознание того факта, что судьи не всеведущи и способны ошибаться, а абсолютное правосудие никогда вполне не реализуемо. Но идеи о возможности правового государства, правосудия и свободы несовместимы с эпистемологией, которая утверждает, что не существует объективных фактов и невозможно совершить фактической ошибки просто потому, что нет различия между ложью и правдой. Установлению такого различия и его критериев должна способствовать критическая эпистемология государства и права.

При этом следует, конечно, учитывать, что даже столь абстрактное исследование, как чистая эпистемология права, отнюдь не является таким чистым, как можно было бы думать. Эпистемологические идеи могут быть бессознательно внушены политическими надеждами и самыми утопическими мечтами. В этом смысле эпистемология права должна быть направлена на поиск истинного решения методологических проблем независимо от того, сочетается ли эта истина с текущими политическими целями. Эпистемология критического конвенционализма, как было показано выше, тесно взаимосвязана с либеральной политической идеологией, поэтому для нее нет более важной задачи, чем подвергнуть критическому анализу те или иные идеи либерализма.

При проведении такого анализа обнаруживается, что в развитии либеральных идей огромную роль играли определенные эпистемологические теории, в частности, уже упоминавшийся эпистемологический оптимизм в различных его формах. Однако опыт и правоприменительная практика свидетельствуют, что наши надежды во все не обязательно контролируют наши результаты. Следовательно, в поисках истины лучше начинать с критики наиболее близких нам убеждений, и именно такая стратегия, в том числе в области теории права, является наиболее приемлемой.

Можно, таким образом, утверждать, что наше знание вообще и юридическое знание, в частности, прогрессирует благодаря неоправданным (и никогда не могущим быть оправданными) ожиданиям, догадкам, пробным решениям проблем, благодаря предположениям. Эти предположения контролируются критикой, то есть попытками опровержения, включающими в себя серьезные критические проверки. Предположения, в лучшем случае, способны выдержать эти проверки, но они никогда не смогут получить позитивного (в том смысле, который придает данному термину позитивистская философия) оправдания. Их никогда нельзя признать ни безусловно истинными, ни даже вероятными (в смысле исчисления вероятностей). Критика предположений имеет решающее значение: выявляя ошибки, она помогает понять сложность той юридической проблемы, которую мы пытаемся решить. Поэтому позитивистский эталон научности (с опорой на факты) принципиально не может быть реализован в юриспруденции. Не существует абсолютных критериев научности, они всегда относительны и зависят от исторической эпохи и социокультурных особенностей общества.

Поскольку очевидно, что прогресс юридического знания во многом строится на ошибках, можно утверждать, что в данной сфере мы ничего не знаем с полной уверенностью. Но здесь также не следует сомневаться в способностях разума, ибо юридическое знание способно возрастать. И поскольку мы ничего не можем знать с достоверностью, здесь нет места господству авторитетов, самодовольству и тщеславию. Ни одну из юридических теорий нельзя оправдать в позитивном смысле, но существенным является их критический и прогрессивный характер – тот факт,

что возможно обосновать их способность решать наши проблемы лучше, чем их соперницы. По-видимому, в этом и состоит рациональность юридической науки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Демидов А.И. О методологической ситуации в правоведении // Правоведение. 2001. № 4. – С. 16–17.
2. Звонарева О.С. О цивилизационном подходе в теории государства и права // Правоведение. 2004. № 1. – С. 173–174.
3. Хьюбнер К. Критика научного разума. – М., 1994. – С. 13–17.
4. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Элементный состав. – М., 2000. Т. I. – С. 11.
5. Радько Т.Н., Медведева И.Т. Позитивизм как научное наследие и перспектива развития права в России // Государство и право. 2005. № 3. – С. 5–12.
6. Ромашов В.А. Реалистический позитивизм: интегративный тип современного правопонимания // Правоведение. 2005. № 1. – С. 4–12.
7. Честнов И.Л. Актуальные проблемы теории государства и права: эпистемология государства и права. – СПб., 2004.
8. Vaumann Z. Legislators and Interpreters: Essays on Modernity, Post Modernity and Intellectuals. – Cambridge, 1987. – P. 13.
9. Поппер К. Об источниках знания и невежества. В кн.: Предположения и опровержения. – М., 2004. – С. 21–23.
10. Нерсесянц В.С. Право и закон. – М., 1983. – С. 361.
11. Берман Г. Дж. Верховенство права и правовое государство // Общая тетрадь (Журнал Московской школы политических исследований). – 2004. – № 1 (28).
12. Спиридонов Л.И. Избранные произведения: Философия и теория права. Социология уголовного права. Криминология. – СПб., 2002. – С. 361–364.
13. Benditt T.M. Law as Rule and Principal: Problems of Legal Philosophy. – Stanford, 1978. – P. 27–39.
14. Posner R. The Problems of Jurisprudence. – Chicago, 1990. – P. 67–69.
15. Schlag P. Missing Pieces: A Cognitive Approach to Law // Texas Law Review. 1989. № 67. – P. 1195–1250.
16. Ross. A. Imperatives and Logic // Theory. 1941. – Vol. 7.
17. Трельч Э. Историзм и его проблемы. – М., 1994. – С. 219–221.
18. Честнов И.Л. Действие и действенность юридических теорий // Ученые записки Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права. – СПб., 1999. – Т. 1.
19. Mahoney M.J. Scientists as Subjects: The Psychological Imperative. – Cambridge, 1976.
20. Поппер К. Открытое общество и его враги. – М., 1992. Т. 1.
21. Bodrillard J. Simulations. N.-Y., 1983.
22. Деррида Ж. О грамматологии. – М., 2000. – С. 119.
23. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – СПб., 1998. – С. 10.
24. Leach E. Fundamentals of Structuralism Theory // Sociological Approaches to Law. – L., 1981. – P. 30.
25. Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Правоведение. 2002. № 2.
26. Russell B. Let the People Think. – L., 1941. – P. 77.